

Куда только не заносила Пушкина судьба! То царь твердым почерком предписывал: Кишинев, Одесса, святогорская глухомань... То по собственной воле спешил на Кавказ, в Казань, в оренбургские степи... Но все это была Россия. Ни разу, ни ногой — за ее обширные пределы! Так сложилось, так прожилося.

Но потомки разлетелись по всему белу свету. Побег с родового пушкинского древа укоренился и в Америке, и в Австралии, и уж, конечно, на многих землях Европы.

Сегодня есть повод поговорить об одной из этих ветвей, давно и прочно проросшей на Британских островах. И для этого придется вернуться во времена пушкинские, в ту главу его жизни, которая давно названа «Поэт и царь».

А ЗА ОКНОМ — АНГЛИЙСКИЙ ПАРК

Жили некогда в городе Санкт-Петербурге два человека: обыкновенный Николай Павлович Романов — но зато самодержец всероссийский и Александр Сергеевич Пушкин — гений, но только поэт. Их связывали личные отношения, за которые порицали поэту и превозносили монарха. В собственных же скупых оценках поэт был сдержаннее монарха. Словом, жили два очень разных человека, но, как часто водится между людьми, правнуков имели общих.

В 1891 году, когда ни Александра Сергеевича Пушкина, ни Николая Павловича Романова давно не было на свете, София Меренберг стала женой Михаила Романова. Внучка Пушкина, старшая дочь его младшей дочери Натальи Александровны от второго брака, и внук Николая I, ве-

ликий князь Михаил Михайлович, составили семейный союз. И хотя мorganатические браки — не родство и в доме Романовых, этот был далеко не первым. Разгневанный Александр III телеграфировал герцогу Сассбургскому (отцу невесты), а заодно и герцогу Люксембургскому: «Этот брак, заключенный вопреки законам нашей страны, требующим моего предварительного согласия, будет рассматриваться в России как недействительный и не имеющий места».

Но брак оказался имевшим место. Имели место и дети, и внуки, и правнуки. Правда, семья от начала и до времен нынешних живет в Англии.

Одна из представительниц этой семьи, Джина Филиппс, в 1989 году приехала в нашу страну. Проехала, прошла

по пушкинским местам. И, наконец, открыла для себя не только великого поэта, но еще и то, что можно почувствовать только на нашей земле, — ту искреннюю, пылкую любовь к Пушкину, которая до сих пор не покинула сердца россиян. Джина попросила познакомить ее с Аникиным и заказала Михаилу Константиновичу портрет Пушкина для своего замка Лутон Ху, под Лондоном.

Пушкинские портреты Аникина, конечно же, особый разговор. У каждого из нас — свой Пушкин, но, наверное, очень многие, впервые увидев бронзовую литье Пушкина в маленьком садике у дома Наумова в Кишиневе, впервые подумали: «Господи, несчастный мальчик». Впервые ощутили неумозрительность, во всем сердцем, как далекий от де-

ства были его тогдашние двадцать лет и какая страшная беда вдруг обрушилась на него: с привычной северной равнины, из круга друзей и муз он был заброшен на пыльные задворки Кишинева, а этот дом, где по ночам собирались контрабандисты, бродяги, конокрады.

Портрет, который установлен в замке близ Лондона, совсем другого настроения. Это портрет для семейного круга, для спокойного разговора.

Помните лето 1831 года? Еще ничем не омраченное семейное счастье. Царское Село, любимое, как может быть любимое только детством. И какой день к обеденному часу — Жуковский, Гоголь, Смирнов-Росетт...

Письмо к Плетневу от 22 июля: «Опять хандришь. Эй, смот-

ри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая — душу. Дельвиг умер, Мюшанов умер: погоди, умрет и Жуковский, умрет и мы. Но жизнь все еще богата: мы встретим еще новых знакомцев, новые созвездия нам дружат, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычовики, а дети — будут славные, молодые, веселые ребята: мальчишки станут повесничать, а девчонки сентиментальничать: а нам то и любовь, Вадор, душа моя! не хандри — холера на днях пройдет, были бы мы живы, будет когда-нибудь и веселье».

Светло, спокойно. Отчего-то печально. Он отложил перо, скрестил руки, взглянул в окно. Тихо в Царском Селе, должно быть, вечер. День — впереди...

Сегодня портрету Пушкина, который Михаил Константинович Аникин подарил потомкам поэта, в просторном замке Лутон Ху отведена отдельная комната. За окном — традиционный английский парк. Не похожий на царскосельский. Или похожий? Жизнь прекрасна именно неожиданными, жизнь продолжается.

Э. ГОРЧАКОВА.
(Наш соб. корр.)

...Наша любовь к Пушкину начинается еще в подсознании, мы долго не называем ее любовью, живем с ней, как дышим, как ходим по земле, как думаем и чувствуем. Любовь эта естественна и органична, она сродни самой жизни.

Да, Пушкин живет в этом мире так же светло и просто, как сама природа. С его именем связано все, что нам дорого, близко и понятно. Но в то же время Пушкин — это вечная тайна.

Почему он так любим нами? Почему почти два столетия он так необходим всем живущим на земле? И почему в эти светлые юные дни мы вновь и вновь возлагаем цветы к подножию его памятника? Прислушайтесь — звучит вечная музыка вечного Пушкина...

Свет гения на них

Есть среди живущих за границей потомков Пушкина служители искусства и бизнеса, ученые, политические деятели и скромные труженики. Земли различных стран стали почвой, в которой пустили корни потомки Пушкина.

Но есть одна земля, где не прерывалась связующая нить корневой системы нескольких кровных продолжателей пушкинской династии. Русская, российская, наша с вами земля. Земля, и давняя, и принимающая в лоно свое наших усопших гениев.

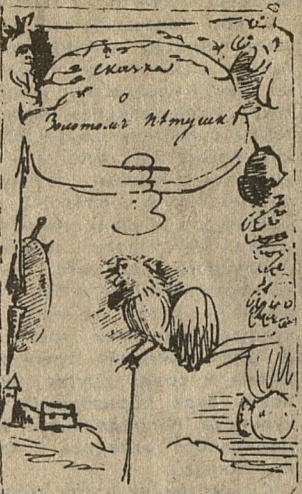
...Пусть неодинаково их социальное положение, различны взгляды и убеждения. Но объединяет, сближает их одно — вместе со своей многострадальной Родиной они делают ее радости и горе, каждый по-своему участвует в ее трудной и единственной жизни.

Вглядываясь в эти лица. Наталья Сергеевна Шелева, правнучка поэта. Следы нелегкой судьбы легли на ее лицо. Но глаза, прекрасные ее глаза! В них свет благородства и всепрощения, любви и сострадания. Сквозь годы и десятилетия не померк этот свет, отраженный в глазах Натальи Сергеевны, Натали...

Григорий Григорьевич Пушкин, правнук поэта. Жива великая фамилия, и какие-то знакомые нам по портретам черточки гениального предка нет-нет, да и проглянут в лице потомка.

...6 июня, в день рождения Александра Сергеевича, в домах Натальи Сергеевны и Григория Григорьевича у портрета Пушкина обязательно будут цветы...

Рисует А. С. Пушкин

- Автопортрет - карикатура (о монашеском клобуке).
- Осенний пейзаж. 1928 г.
- Обложка тетради с рукописью «Сказка о золотом петушке».
- Сцена чаепития. Иллюстрация к повести «Гробовщик».

В истории отечественной культуры мы знаем немало явлений, сыгравших роль могучих катализаторов общественной и художественной мысли, являвшихся средством спасения выдающихся талантов. К их числу следует отнести творческие союзы, семейные и литературные вечера, кружки, общества и, конечно, творческое содружество да и просто дружбу выдающихся деятелей. Последней феноменом осенней многовековой истории, ярким примером взаимопомощи, самопожертвования и просто легенды. К числу таких ярких примеров следует отнести творческое содружество и личные взаимоотношения Пушкина, Шевченко и Максимовича. Если первых два имени не нужно представлять широкому читателю, то о последнем сказать несколько слов необходимо.

М. А. Максимович — выдающийся прогрессивный ученый-энциклопедист и просветитель первой половины XIX века, первый ректор Киевского университета. Жизненный путь его тесно переплетался с деятельностью многих известных ученых и литераторов того «железного века», а в творческой судьбе А. С. Пушкина и Т. Г. Шевченко он проявляется неординарным светением.

Беседу ведет доктор исторических наук, профессор П. МАРКОВ и доктор филологических наук, профессор В. БОРОДИН.

П. Марков. — У каждого народа есть свой Леонардо да Винчи, Спиноза, свой Шекспир. У русских есть Ломоносов и Пушкин, у украинцев — Шевченко и Максимович. Это вершины, «маяки», ориентиры на свет которых, интеллектуальные силы нации поднимали паруса могучих каравелл своей культуры.

В. Бородин. — И тут же вспоминаются слова Пушкина, говорившего о том, что неуважение к предкам есть первый признак дикости и безгражданственности. Так вот, эти маяки — Леонардо, Шекспир, Ломоносов, Пушкин, Шевченко и Максимович — были теснейшим образом связаны многими обстоятельствами жизни и творчества, узлами поистине неразрывными. Как вам кажется, есть ли в подобном «соединении» нашей памяти какая-то закономерность?

П. М. — Во всяком случае в сознании царских сановников имена Максимовича и Шевченко находились в одном ряду. Когда в 1914 году на заседании Государственной думы решалось, стоит ли праздновать столетие великого поэта, то победил точка зрения Пушкинских: «Не стоит». Шевченко, Максимович и Маркевич были первыми разрушителями Российской империи.

В. Б. — Они-то, царские сановники, эти имена соединяли очень четко. Но вот мы, наследники передовой мысли, все никак не соединим их.

П. М. — Но давайте вспомним для уяснения сути вопроса некоторые моменты творческой и личной биографии Максимовича. Его знакомство с А. С. Пушкиным произошло в 1827 году, после того как Александр Сергеевич прочитал только что изданный сборник украинских народных песен, собранных Максимовичем. Вполне товарищескими стали их встречи (одни из них, например, происходили в доме Е. П. Елагини, матери братьев Киреевских) после того, как Максимович первым вступил в бой с клеветниками поэта,

не принявшими его поэму «Полтава». Позднее он писал: «Приятно мне вспомнить, что о «Полтаве» я первый (1829 г.) в «Атенеум» писал как о поэме народной и исторической, Мерзляков журил меня за мою статью, и как благодарил потом Пушкин, возвратившись из своего кавказского странствия под руководством своего друга Н. Раевского». Несомненно, творческое содружество и дружеское общение А. С. Пушкина и М. А. Максимовича — весьма примечательное явление в биографической летописи той эпохи.

П. М. — «Непрерывным сотрудничеством «Литературной газеты» и «Северных цветов», он поставил для этих изданий свои проникновенные философские размышлениями статьи о жизни растений и животных, о роли просвещения... А. С. Пушкин вместе с А. А. Дельвигом печатался в Максимовичской «Деничке». Вот один из примеров. Первая часть «Бориса Годунова» была издана в «Деничке», «Деничка» за 1831 год напечатана в «Атенеуме» с рецензией Максимовича. В 1833 году, в весьма опасное жестокое время, с кафедрой Московского университета М. А. Максимовича провозгласил большую программу истинного и всеобщего просвещения. Замыслы его удивляли и сегодня: он добивается разрешения приема в школы представителей всех слоев населения, включая крепостных крестьян, добивается обучения их за счет государства, отменить телесные наказания, давать обширные знания по многим наукам, оборудовать современные учебные кабинеты...

В. Б. — Вообщем Александра Сергеевича, более всего изумившего независимостью человеческого разума, в М. А. Максимовиче привлекали и склад ума, и обширная образованность последнего ученого-энциклопедиста России середины XIX века. Пушкин ценил в своем друге то, что он живой народный человек! И Пушкин, и позже Шевченко считали его ученым новой формации. Пушкин и Максимович находились, как теперь принято говорить, по одну сторону баррикады.

П. М. — И ясно, почему в те неспокойные времена после подавления восстания декабристов из всей плеяды русских ученых лишь один Максимович вошел в круг друзей поэта. Думаю, мне, что роль поэта сыграло не только признание уникальной по тем временам многосторонности ученого, но и в значительной мере его личные и мировоззренческие качества. Прежде всего близость взглядов Пушкина, Максимовича да и Шевченко на роль науки в жизни общества, назначение ученого и литератора как просветителя народа. В 1833 году, в весьма опасное жестокое время, с кафедрой Московского университета М. А. Максимовича провозгласил большую программу истинного и всеобщего просвещения. Замыслы его удивляли и сегодня: он добивается разрешения приема в школы представителей всех слоев населения, включая крепостных крестьян, добивается обучения их за счет государства, отменить телесные наказания, давать обширные знания по многим наукам, оборудовать современные учебные кабинеты...

В. Б. — Поразительно! Но не менее поразительно и то, что имя автора этой программы не «вписано» в скрижали, не обозначено должным образом, соответственно масштабам его заслуг. Кстати, ректором Киевского университета Максимович стал не без участия П. А.

Вяземского, В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя да и самого А. С. Пушкина, которые ходатайствовали перед министром просвещения С. С. Уваровым об этом назначении.

П. М. — Важнейшим моментом исторического мировоззрения Максимовича следует считать трактовку истории Украины в неразрывной связи с русской историей. Максимовича и Шевченко объединяла и сходная оценка многих исторических событий в истории Украины. Пусть и не в одном мировоззренческом ключе, но оба они возмущались крепостничеством, что зафиксировано в их дружеской переписке.

В. Б. — Целая эпоха, отношения — Кирилло-Мефодиевское братство. Не боясь опалы и возможных гонений, Максимович, который сочувствовал антикрепостническим идеям братства, их планам просвещения и национального освобождения украинского народа (и как могут не ценить это сегодня наши современники?), оказывал членам общества всевозможную помощь, переписывался с ними и в их ссылке, дал согласие редактировать специальный журнал для пропаганды идей кирилло-мефодиевцев.

А теперь грустные отступления. Казалось бы, на Украине должны были сделать все, чтобы не просто сохранить, а возродить дом и усадьбу в Прохоровке (поместье Максимовича), где бывал и отдыхал душой Тарас Григорьевич, но и открыть там музей. Ведь Шевченко мечтал о соседстве с Максимовичем и даже договорился о покупке небольшого участка у помещика Парчевского (между Каневом и селом Паркани).

Да и последние дни, проведенные Шевченко на воле, связаны с именем Марии Максимович, последней серьезной любовью поэта. Здесь, в нескольких шагах от усадьбы друга, Тарас Григорьевич и был арестован... Но, увы, дом и усадьба не сохранились.

П. М. — Да, по трудным дорогам жизни, отечественной культуры они шли рядом. Но вот мы, современники, все же можем не в нашем сознании, ни в адекватном, культурном выражении поставить их рядом. А есть факты просто небоженькие к памяти Максимовича. И это не назавось иначе, как национальный беспомощность. По безалаберности ответственных лиц сгорел домик в Прохоровке со всеми музейными материалами. В справочнике «Киев. Энциклопедический словарь», правда, обозначена улица имени Максимовича, но фактически ее нет. Нет в Киеве, где умеют чтить память своих писателей, актеров, художников, ни одной мемориальной доски, посвященной Максимовичу.

В. Б. — Как мне известно, вы, Пиликар Глебачив, сделали больше всех в исследовании его жизнедеятельности, неоднократно обращались в самые высокие инстанции... И?

П. М. — И никакого ошутимого результата при избыточном количестве красивых слов. Мне кажется, нужно обратиться к народу с предложением о сборе на специальный счет народных средств для открытия памятника, скажем, на перекрестке бульвара Шевченко и Владимирской. Непременно открыть музей. И обязательно мемориальную доску на здании университета. Может быть, назвать его именем М. А. Максимовича. Во всяком случае Тарас Григорьевич горячо поддерживал бы это. Стоило бы и уредить премии для ученых, стипендию имени ученого-энциклопедиста М. А. Максимовича. Не говоря уже об издании сборника сочинений и переписки. Надо усилить издание первого после Октябрьского собрания его сочинений по плану 1991 года издательства «Всучаша школа». И снова причина — нехватка бумаги, а сколько сегодня бульварных изданий с напечатанным ярлыком «независимость»!

Наследие М. А. Максимовича — уникальное явление в духовной жизни нашего Отечества, в его культуре, в его истории. Не говоря уже о многогранном содружестве двух братских народов — русского и украинского. Забыть об этом мы не вправе.

Замыслов — «Летопись естественных наук», «Словарь украинского языка», «Общедоступная энциклопедия», организация в Киеве ботанического сада.

Свое место в этой системе просвещения занимала и история.

В. Б. — А теперь давайте вспомним, где, в каких районах дореволюционных и советских литераторов, историков проследивается или хотя бы отмечена была роль Максимовича в формировании историко-культурных, философских и других воззрений соотечественников, что делалось в этом отношении в России и на Украине? Понятно, что в дореволюционные годы на имени Максимовича продолжалось печать клеим «первого разрушителя России», близко знакомого с красными Шевченко и другими членами Кирилло-Мефодиевского братства. Вот и незачем было в дореволюционный период помнить этого сомнительного деятеля, к тому же украинца по происхождению.

После Октябрьской революции или забывается в Москве и Киеве могло носить уже принципиально иной характер: общественное мнение формировалось в центре по догмам сталинской «национальной политики». Т. Г. Шевченко — одно дело, один символ: по рождению — крепостной, тиранистический — по духу, по целям — революционер. Вот он и есть истинный представитель народа. К чему тут же еще и какой-то профессор?

П. М. — На Украине же в 20-е годы, когда процесс «украинизации» шарахался из стороны в сторону, фигура Максимовича, тесно связанная с русской историей, тогда казалась этническим великодержавцем (и, конечно, великодержавной) культурой, тоже могла быть по разным мотивам непопулярной в среде украинской интеллигенции.

Вспомним хотя бы лозунг «Геть до Москвы», который трактовался двояко — с одной стороны, в плане литературно-возрождения, с другой — как прямой откат от Советской России. Да и сам Т. Шевченко оценивался в разные времена неодинаково людьми разной политической ориентации. Тянуть Шевченко «на себя» в цель политический игры и спекуляции стало делом привычным.

В. Б. — А истина заключается в том, что два великих сына Украины во многом дополняли друг друга. Это было, если хотите, единство противоположностей. Шевченко, как и Пушкин, осознавал полной мерой значимость вклада выдающегося ученого в развитие духов-

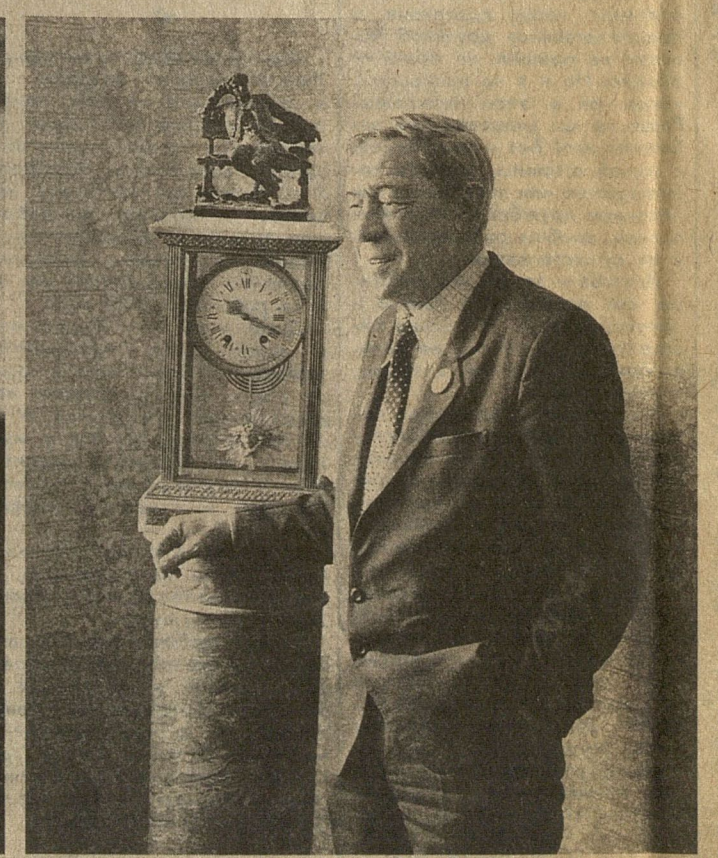
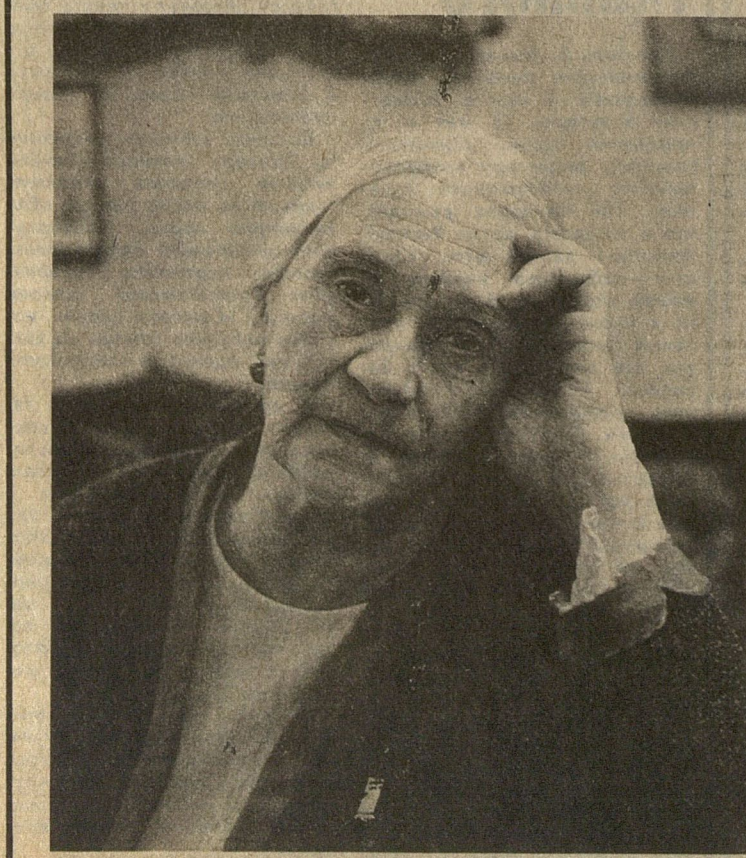

Фото Николая Самойлова.